

минуты неизменно их поднимал. Этот бесстрашный цельный человек внушал подчинённым такое уважение, что, поддаваясь его примеру и порыву, они готовы были вновь и вновь идти за своим командиром на смерть.

Казалось, с гибелью Неженцева, о попытках 2-й бригады возобновить атакующие действия оставалось только лишь мечтать. Но случилось неожиданное. Большевики сами отвели части в город⁴¹⁶. И организованный ничтожными силами удар сопротивления не встретил, так как пришёлся в образовавшуюся пустоту...

6.12.5. Рейд генерала Казановича

Когда Неженцев скрылся в овраге, стрельба на короткое время усилилась, но никакого движения Казанович впереди себя не отметил. Зная о просьбе Маркова, он посчитал необходимым бросить в атаку последний резерв, 2-й батальон Партизанского полка. Едва «партизаны» подошли к кургану, Казанович стал во главе их и повёл вперёд. Советские пулемётчики обстреляли батальон, но заходящее солнце било им в глаза. Прицел был взят слишком высоко. Пули веером летели над головами, но обошлось без потерь, что приободрило павших было духом добровольцев. Вышли к оврагу. На дне его лежали у ручья казаки-елизаветинцы⁴¹⁷.

– Здесь лежит тело убитого командира Корниловского полка, – сообщили они генералу, – *и мы не знаем, что делать...*

– Идите со мной в Екатеринодар! – был ответ.

После некоторого колебания к батальону присоединились до сотни казаков. Едва цепь поднялась по склону, как была встречена огнём. Но тут же он прекратился. Красногвардей-

---

⁴¹⁶ О том, как в тактическом плане осуществлялась оборона Екатеринодара, источники дружно умалчивают. В числе немногих, лишь И.Л. Хижняк позволяет себе говорить хотя бы что-то. Вот его слова, проливающие свет на причину столь лёгкого проникновения отряда Казановича в город: «Командир отряда Чёрный в разгар боя вздумал сменить на позициях свои части. Этим воспользовались корниловцы и ещё дальше продвинулись в глубь города».

⁴¹⁷ Все почти «корниловцы» погибли при атаке.

цы оставили свои окопы и ушли в город. Уже в сумерках отряд Казановича осторожно продвигался следом. Чтобы не попасть под огонь своих, генерал приказал раз за разом выкрикивать: «Вперёд, «партизаны», «Партизаны», равняйся!». Это оказалось не лишним. Едва вышли на линию казарм, оттуда окликнули:

– Что за «партизаны»?

– Партизанский полк. Здесь генерал.

Колонна остановилась. К Казановичу подошёл полковник Кутепов. На вопрос, где находится Марков, он ответил, что генерал вместе с Боровским перешли на правый фланг 1-й бригады, а командование левым флангом поручено ему. Казанович сообщил, что во исполнение приказа Корнилова намерен атаковать и занять западную окраину. И просил поддержать его, атакуя правее. Эту свою просьбу генерал просил передать Боровскому и Маркову. Кутепов обещал атаковать, как только 2-й батальон Партизанского полка ворвётся в город.

А.П. Кутепов

Положение Армии в ночь на 30 марта (12 апреля) было следующим. На правом, упирающемся в Кубань фланге 1-я бригада заняла артиллерийские казармы и укреплялась в них. Часть сил была выдвинута севернее до Елизаветинского тракта. Бригада понесла большие потери, но оставалась вполне боеспособной.

На участке 2-й бригады вперемешку с двумя сотнями «партизан» стояли на линии остатки Корниловского полка⁴¹⁸. Не-

⁴¹⁸ Состояние Корниловского полка Богаевский характеризует следующим образом: «В этот вечер я осматривал позицию своей бригады. Выехал из фермы засветло, но доехать до полков не мог. Большевики открыли бешеный пулемётный огонь, пришлось спешиться и выждать темноты. Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «Штаб Корниловского полка» почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, среди которого только трое было живых, остальные бойцы лежали мёртвые. Один из живых, временно командующий полком, из-

смотря на гибель командира и упадок боевого духа, обороняться они ещё могли. Наступить же не имели физической возможности.

Конница Эрдели не смогла пробиться к Пашковской. Серьёзных потерь кавалеристы избежали, но рейд их оборону Екатеринодара на западном направлении не ослабил. Более того, под угрозой охвата со стороны подходивших к городу свежих советских отрядов бригада вынуждена была отходить постепенно к Садам.

Б.И. Казанович

Связь с Казановичем, уведшим 2-й батальон Партизанского полка к Екатеринодару, была утеряна...

Между тем Казанович от мысли вернуться в город не отказался. Генерал не без основания рассчитывал, что в условиях тёмного времени суток ему легче будет добиться успеха. Выдвинув в первую линию 2-й батальон «партизан» и снятую с участка Корниловского полка 2-ю сотню 1-го батальона, а во вторую – казаков, он, руководствуясь указаниями офицеров – жителей Екатеринодара, стал продвигаться в развёрнутом строю к городским кварталам. Сбив у окраины охранение красногвардейцев, разбежавшихся после первых же выстрелов, отряд беспрепятственно вступил в город. Шли по одной из улиц⁴¹⁹, осматривая боковые. Встреченные одиночные солдаты в темноте принимали «партизан» за своих. Их тут же прикалывали.

мученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира... Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло мерцал Георгиевский крест.

От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистали над нами, впиваясь в тела убитых. Лёжа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его заместителя о боевом дне...»

⁴¹⁹ Позже выяснилось, что отряд продвигался по Ярмарочной улице. Ныне улица Будённого.

Принято считать, что отряд, пройдя несколько кварталов, тут же вернулся обратно. Это далеко не так. Решительный, инициативный Казанович ждал лишь атаки 1-й бригады, готовый поддержать её ударом с тыла. При этом производил разведку, оценивал обстановку. И продвигался к центру города.

По мере движения стали попадаться конные разъезды. Первая встреча вышла боком. У кого-то из «партизан» не выдержали нервы, он выстрелил по конникам, те тут же ускакали. Казанович запретил стрелять. Теперь встречным конникам на окрик называли наименование того или иного советского отряда, выявленное в ходе двух дней боёв. Кавалеристы без опаски подъезжали, их тут же стаскивали с сёдел⁴²⁰. Всего уничтожили таким образом до 16 красногвардейцев. Удача сопутствовала добровольцам. Тревогу так никто и не поднял. В ускакавшем разъезде видимо посчитали, что были обстреляны своими.

Вышли к Офицерской улице. Влево через неширокую площадь были расположены казармы запасного батальона. При осмотре выяснилось, что в них содержатся до 900 пленных австрийцев, которых охраняет команда, поставленная ещё Кубанским правительством. Казанович приказал старшему по команде, унтер-офицеру продолжать нести свою службу и поддерживать среди пленных надлежащий порядок⁴²¹. Один из офицеров-партизан расписался в тюремной книге.

Прошло уже немало времени. Стрельба на участке 1-й бригады стихла. Орудие, посылавшее в сторону артиллерийских казарм с самой окраины города снаряд за снарядом, тоже замолчало. Казанович посчитал, что атака «марковцев» также завершилась удачно, и части 1-й бригады продвигаются вслед за ним по параллельным улицам. С целью обозначить место своего нахождения и опять же избежать столкновения со своими

---

⁴²⁰ Сам Казанович пересел с загнанной своей клячи на строевого коня под офицерским седлом, которого подвели ему «партизаны».

⁴²¹ На следующий день Корнилов упрекнул Казановича в том, что тот не вывел немедленно всех военнопленных из Екатеринодара. Среди них могли оказаться в немалом числе и чехословаки, способные пополнить национальный добровольческий батальон. На это Казанович ответил, что и мысли не допускал, что город не будет занят в ту же ночь.

генерал приказал выкрикивать время от времени: «Ура генералу Корнилову!» Отклика не было. Но и тревогу никто так и не поднимал...

Отряд между тем вышел на Сенную площадь. Здесь Казанович разделил своих людей. Половина их стала с пулемётом «Максим» на пересечении Ярмарочной и Медведовской⁴²² улиц. Остальные выдвинулись с ручным пулемётом «Кольт» к юго-западному углу площади. Заняв оборону, Казанович решил ожидать здесь подхода частей 1-й бригады⁴²³. Время от времени через площадь к окраине проходили одиночные повозки и подводы. Санитарные двуколки с сёстрами милосердия «партизаны» пропускали беспрепятственно, телеги с продовольствием и боеприпасами прибирали к рукам⁴²⁴.

Между тем приближалось утро. Казанович выслал по пути следования отряда разъезд на отбитых лошадях. Командовал им сотник Хоперский, китаец по национальности, ребёнком вывезенный казаками одного из Донских полков из Маньчжурии. Ему было приказано выйти из города, найти Кутепова или Маркова, доложить о занятии Сенной площади и просить ускорить движение. Через час разъезд вернулся обратно. Хоперский доложил, что *других* добровольческих частей в городе нет, а в месте, где отряд проник в Екатеринодар, большевики сомкнули оборону, и она прочна. Благодаря азиатскому типу лица красногвардейцы принимали сотника за своего и даже расспрашивали о стрельбе и криках в тылу. Хоперский успокаивал их, утверждая, что там всё тихо.

– И кто это панику пускает? – досадовал один из случайных его собеседников. – Здесь говорили, что кадеты ворвались в город...

Из доклада Казанович понял главное. Атака, если таковая и была предпринята 1-й бригадой, не удалась. Поддержки не

⁴²² Ныне улица Кирова.

⁴²³ Согласно приказу Корнилова, Сенную площадь должна была занять 1-я бригада. По передаче «марковцам» площади и близлежащих кварталов, Казанович рассчитывал выдвинуться к городскому кладбищу и подтянуть туда сотни 1-го батальона Партизанского полка и остатки Корниловского.

⁴²⁴ Были захвачены несколько подвод с винтовочными патронами и одна – с артиллерийскими снарядами.

будет. Он с отрядом в 250 штыков рискует встретить рассвет в многолюдном городе в глубине обороны противника. Оставаться в этих условиях на площади означало обречь всех на скорую гибель. Оставалась лишь одна возможность её избежать – поскорее выбираться из Екатеринодара.

Отряд был выстроен генералом в походную колонну. В голове её шли «партизаны» с пулемётами, за ними – «елизаветинцы», и замыкал сформированный из захваченных подвод обоз. Уходили той же дорогой, по которой и наступали. На возможные вопросы Казанович приказал отвечать, что *Кавказский отряд*⁴²⁵ идёт на окраину города занимать окопы. Пройдя несколько кварталов, обнаружили резервные подразделения большевиков, занимавшие боковые улицы, а вскоре вышли и к первой линии. Заготовленные заранее ответы не вызывали подозрения. Лишь когда уже выходили из города, кто-то удивлённо спросил:

– Куда же вы идёте? Там впереди уже кадеты...

– Их-то нам и надо! – нашёлся один из «партизан», что тоже никого не насторожило.

Поначалу Казанович собирался, сблизившись с противником, ударить в штыки и ими расчистить себе дорогу. Но подходившие десятками мирно беседовавшие с добровольцами красногвардейцы так с ними перемешались, что об этом нечего было и думать. Численное превосходство противника было подавляющим. Всё же едва голова колонны преодолела линию окопов, солдаты начали отставать. Возможно, отряд так и ушёл бы без помех, но тут на позиции въехали телеги обоза. Когда и они стали удаляться от окопов в степь, кто-то из командиров спохватился и приказал открыть огонь. Замыкающие телеги были отрезаны и брошены, но большая часть благополучно проскочила и в том числе, подвода со снарядами⁴²⁶. Едва не

⁴²⁵ О том, что Кавказский отряд, прибывший в качестве пополнения, выгрузился недавно на Владикавказском вокзале, Казанович узнал при допросе захваченных красногвардейцев.

⁴²⁶ Лошади под обстрелом понесли. Подвода метнулась влево и застряла в канаве в непосредственной близости от артиллерийских казарм. С утра несколько человек продолжительное время названивали потом Казановичу по телефону полевой связи и спрашивали лишь одно: где 52 снаряда? Осведомлён о них был даже Корнилов. В течение дня телегу нашли и благополучно разгрузили.

обстрелянные из артиллерийских казарм «партизаны» всё же вышли на левый фланг Офицерского полка.

«Первым я увидел полк. Кутепова, – пишет Казанович. – Он сказал мне, что очень беспокоился о моей участи, слышал наши удаляющиеся крики «ура», но ему не удавалось двинуть вперёд смешанных людей разных полков, бывших на его участке⁴²⁷.

Скоро подошёл и генерал Марков, который сказал мне, что ничего не знал о моём предприятии и услышал о нём впервые, когда по его телефону передавали моё донесение в штаб армии. Он предложил мне сейчас же общими силами повторить атаку. На это я ответил, что время упущено, теперь уже светло, большевики предупреждены, подвели резервы, и атака на том же самом месте вряд ли имеет шансы на успех».

Сопровождаемый Марковым генерал проследовал в тот же самый дом, где накануне ночевал с Писаревым. Там теперь был штаб 1-й бригады, из которого Казанович по телефону доложил вначале Романовскому, а затем и лично Корнилову о ночном продвижении и отходе. Командующий приказал генералу собрать Партизанский полк и вывести его в армейский резерв к ферме. К вечеру Казанович собрал у фермы остатки полка. Из 800 переправившихся через Кубань бойцов в строю оставалось не более 300. Оба батальонных командира были убиты. Раненый полковник Писарев находился в лазарете⁴²⁸. Сотенные

⁴²⁷ Вся эта история своего продолжения не нашла. Дознание не проводилось, не время было искать виноватых. Да и странно было бы опрашивать и даже обвинять в чём-то человека, только что поставленного на титульный добровольческий полк.

Окажись на месте Кутепова Боровский, он, вероятно, тут же доложил о «предприятии» Казановича Маркову. Сам Марков, узнав он об этом, вне всякого сомнения, собрал бы всё, что оказалось под рукой, и атаковал Екатеринодар вместе с «партизанами». Другой, впрочем, вопрос, чем бы в таком случае всё это закончилось...

Думается, сработал тот самый субъективный фактор, который время от времени становится значимым и раскрашивает историю всеми красками радуги. И Кутепов, переговорив с Казановичем, видя малочисленность отряда, ведомого генералом к городу, просто не придал значения его намерениям. Не услышав серьёзной перестрелки на окраине, он, вероятнее всего, посчитал, что атака захлебнулась, не начавшись, и «партизаны» отступили на исходные позиции.

Так или иначе, но в итоге счастливой случайностью воспользоваться не удалось.

⁴²⁸ Ранение в ногу оказалось серьёзным. Полковник не мог ни ходить, ни ездить верхом.

успели смениться по нескольку раз, уцелевшие заменяли убитых и раненых...

Партизанский полк, так же, как и Корниловский, был обескровлен.

6.12.6. Гибель Корнилова

Утром 30 марта (12 апреля) на ферму привезли убитого Неженцева. Корнилов вышел и долго стоял над телом. Потом перекрестил и поцеловал подполковника в лоб, как погибшего сына. В сущности, Неженцев и был для него, как сын. Во всяком случае, духовное родство связывало этих людей, вне всякого сомнения⁴²⁹.

Весь день настроение Командующего оставалось подавленным. В разговоре с очередным собеседником Корнилов вдруг прерывал его на полуслове и говорил: «Вы знаете, Неженцев убит... Какая тяжёлая потеря...» И умолкал на минуту, характерным жестом потирая пальцами лоб.

Корниловский полк в составе 65-ти непонятно как уцелевших штыков принял полковник А.П. Кутепов. Корнилов приказал влить в его состав 350 мобилизованных казаков, прибывших из станицы Новомышастовской под командой полковника Шкуратова. Это позволило довести численность полка до состава неполного батальона. Но всем было понятно, что это уже не те «корниловцы», которые в штыковых атаках под звуки духового оркестра сметали любого врага...

Перестрелка по всей линии продолжалась, но от наступательных действий Армия, по сути, вынуждена была отказаться. К утру вся западная окраина города уже была прочно занята советскими отрядами. Оставались они и в районе огородов юго-западнее расположения Офицерского полка. Там же стояла батарея и посылала в сторону «марковцев» снаряд за снарядом. Вся площадь казарм обстреливалась ружейно-пулемётным огнём. Вал, насыпанный также и со стороны города, от него не спасал, так как стреляли из окон верхних этажей городских зданий.

⁴²⁹ «На ферме как-то все притихли, – пишет Деникин. – Иван Павлович (Романовский) говорил мне в этот день:

– Никогда ещё я не видел его таким расстроенным. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удаётся. Просто так вот по-человечески ужасно жалко его...»